

THE TWO APRIL MORNINGS

We walk'd along, while bright and red
Uprose the morning sun,
And Matthew stopp'd, he look'd, and said,
"The will of God be done!"

A village Schoolmaster was he,
With hair of glittering grey;
As blithe a man as you could see
On a spring holiday.

And on that morning, through the grass,
And by the steaming rills,
We travell'd merrily to pass
A day among the hills.

"Our work," said I, "was well begun;
Then, from thy breast what thought,
Beneath so beautiful a sun,
So sad a sigh has brought?"

A second time did Matthew stop,
And fixing still his eye
Upon the eastern mountain-top
To me he made reply.

Yon cloud with that long purple cleft
Brings fresh into my mind
A day like this which I have left
Full thirty years behind.

And on that slope of springing corn
The self-same crimson hue
Fell from the sky that April morn,
The same which now I view!

With rod and line my silent sport
I plied by Derwent's wave,
And, coming to the church, stopp'd short
Beside my Daughter's grave.

Nine summers had she scarcely seen
The pride of all the vale;
And then she sang!—she would have been
A very nightingale.

ДВА АПРЕЛЬСКИХ УТРА

Мы ехали по разноцветью,
Зарей алел восток;
Остановившись, молвил Мэтью:
«Так, видно, хочет Бог!»

Преподавал он в сельской школе
И был уже седым,
Но, весело смотря на поле,
Казался молодым.

Среди холмов, цветущим лугом,
По теплым ручейкам
Лежал наш путь, и как друг с другом
Отрадно было нам!

«Наш труд, — сказал я, — славно начат,
Удачен будет он,
Но, друг, поведай мне, что значит
Твой чуть заметный стон?»

Остановился Мэтью снова
И устремил свой взор, —
Как видно, чтобы молвить слово, —
На пик восточных гор.

«Вон видишь, облако, приятель,
Какой пурпурный цвет!
Я вспомнил день и что утратил
Тому уж тридцать лет.

Тогда, апрельским утром тоже,
Над склонами овса,
С таким же облаком, похоже,
Алели небеса.

Я шел на пруд с удой и леской,
Вокруг цвела весна...
Но вот я пред церквушкой сельской,
Где дочь погребена.

Ей девять весен Бог отмерил,
Соловухе моей:
Как песню пела, каждый верил,
Что это соловей.

Six feet in earth my Emma lay,
And yet I lov'd her more,
For so it seem'd, than till that day
I e'er had lov'd before.

And, turning from her grave, I met
Beside the church-yard Yew
A blooming Girl, whose hair was wet
With points of morning dew.

A basket on her head she bare,
Her brow was smooth and white,
To see a Child so very fair,
It was a pure delight!

No fountain from its rocky cave
E'er tripp'd with foot so free,
She seem'd as happy as a wave
That dances on the sea.

There came from me a sigh of pain
Which I could ill confine;
I look'd at her and look'd again;
—And did not wish her mine.

Matthew is in his grave, yet now
Methinks I see him stand,
As at that moment, with his bough
Of wilding in his hand.

1799

Но на шесть футов милой Берте
В земле лежать теперь,
Любил ее, а после смерти
Сильней люблю, поверь.

Идя обратно, у церквушки
Увидел я в красе
Дитя цветущее, девчушку,
Чьи волосы в росе.

На голове несла корзинку,
Лоб гладок, чист и бел,
Увидев девочку-картинку,
Я так и онемел!

Нет, бьет источник не проворней,
Чем ножка на бегу,
Плясала и волны задорней,
Как вспомнить я могу.

И стона было мне довольно,
Я не пенял судьбе,
Всё на нее смотрел невольно,
И не хотел себе".

И ныне вижу я порою,
Как Мэтью мой в тоске
Стоит перед могилой тою
Всё с удочкой в руке.

Перевод Александра Триандафилиди